

ЕПИСКОП ГЕРМОГЕН (КОЖИН)¹ПАМЯТНИКИ ПРАВОСЛАВНОГО
БОГОСЛУЖЕНИЯ У БОЛГАР И СЕРБОВ
(X–XV вв.)

Вопрос о богослужебных памятниках у болгар и сербов в период с X по XV век имеет значение для всякого интересующегося судьбой славянского богослужения. При отсутствии летописных свидетельств о древнеславянском богослужении они представляют в настоящее время единственный материал, которым может пользоваться церковно-археологическая наука.

Болгарская и Сербская Церкви одни из первых слышали церковную службу на родном славянском языке. В то время, когда Россия только еще готовилась к принятию христианства, там уже распространялись славянские богослужебные книги, переведенные с греческого языка первыми просветителями славянства Кириллом и Мефодием и перенесенные из Моравии, распространялись и новые переводы, сделанные в самой Болгарии. По принятии христианства Россия вскоре же воспользовалась готовыми переводами церковных книг, которые заносились сюда сначала из Болгарии, а потом из Сербии. Живое книжное общение Русской Церкви с южнославянскими поддерживалось очень долго, и ничего нет удивительного, что развитие русского богослужения, особенности его во многих случаях обуславливались развитием южнославянского богослужения. Эта связь между богослужением в Русской Церкви и в Церквях южнославянских получает особенно важное значение и интерес в наши дни, когда после Мировой войны 1941–1945 гг. оживились культурные и политические отношения меж-

¹ В конце статьи рукописный автограф: «24/V–46 Епископ Гермоген». — *Примеч. ред.*

ду СССР и южнославянскими странами на Балканском полуострове и усилились связи между Русской Православной Церковью и Церквями западно- и южнославянскими.

Христианство принято было болгарами в IX веке от греков из Византии, и богослужебным языком на первых порах у них был греческий. Только в конце IX века, приблизительно с 885 года, ученики Кирилла и Мефодия, трудившиеся до сего времени в Моравии, появляются в Болгарии, и вместе с ними появляются и первые церковно-богослужебные книги на славянском языке².

Климент, ученик Кирилла и Мефодия, родом болгарин, вместе с другими учениками ушел из Моравии в Болгарию в конце княжения Бориса, а при его преемнике Симеоне, царе Болгарском, стал первым епископом из болгар в Болгарском царстве. Климент стал ближайшим сотрудником Симеона в его просветительной деятельности. К этому времени относятся и его труды по устройению славянского богослужения. Один из его современников, описавший его жизнь, говорит, что епископ Климент «научал клир церковному благоустройству и всему, что касается до псалмопений и молитв»³.

«Одни из них, — говорит он дальше, — написаны в честь многих святых, другие — в похвалу Пречистой Божией Матери в виде молитв и благодарственных песней; вообще все, что относится к Церкви, чем украшаются памяти Господа Бога и святых Его и души возбуждаются, — все это Климент передал нам, болгарам»⁴. Климент перевел

² Сами Кирилл и Мефодий в Болгарии не были. Подробнее см.: *Голубинский 1871. С. 22–23.*

³ См.: *Житие Климента, 21 (Тахиаос, Лавров 2005. С. 344).* Автор ссылается на перевод А. И. Меньшикова, опубликованный в юбилейном издании Московского университета (*Буслав Ф. И. Палеографические и филологические материалы для истории писем славянских, собранные из XV рукописей Моск. Синодальной Библиотеки, с приложением 22 снимков: Материалы для истории писем восточных, греческих, римских и славянских / Подгот. к 100-летию юбилею Моск. ун-та трудами профессоров и преподавателей. М., 1855*), которое недоступно. В скобках указываются страницы современного переиздания данного перевода под ред. П. А. Лаврова (1856–1929). — *Примеч. ред.*

⁴ См.: *Житие Климента, 22 (Там же. С. 346).*

на славянский язык еще Цветную Триодь⁵. К сожалению, памятники письменности, доставившие Клименту громкую известность и имя церковного песнописца, погибли со временем. До нас дошел только его переводный труд — славянская Цветная Триодь⁶.

Славянское богослужение прививалось очень медленно в Болгарии. Прошло немало времени, прежде чем оно стало господствующим. Даже в начале X века Константин, епископ Болгарский, жалуется на чужой греческий язык, который для болгар был «яко медна звона глас»⁷.

Для совершения славянского богослужения требовались подготовленные люди, требовались также, кроме принесенных из Моравии, новые переводы священных и богослужебных книг. Труды Климента и его сподвижников были только началом для подобных же трудов их преемников. Десятки лет должны были пройти, чтобы успеть изготовить массу богослужебных списков для множества церквей. Еще больше времени потребовалось на то, чтобы приготовить значительное число лиц к совершению славянской службы в этих церквях. Греческая Церковь неохотно допускала славянское богослужение. Вместо поддержки в этом деле устроители славянского богослужения чаще встречали разного рода препятствия со стороны греческого духовенства. Видно, мало было среди греков сторонников славянского богослужения, если уже в X веке какому-то черноризцу Храбру пришлось писать апологию славянского языка⁸.

⁵ См.: Житие Климента, 26 (Там же. С. 351).

⁶ В житии Климента, изданном Григоровичем по списку XIII в. и Шафариком по списку пражского профессора Курция, есть сведения о песнопениях Климента, не дошедших до нашего времени.

На данный момент сведения автора устарели. Попытки по подготовке сочинений Климента Охридского к изданию, предпринимавшиеся в дореволюционную эпоху (в частности профессором МДА Н. Л. Туницким), увенчались успехом в Болгарии в 1970-е гг. — *Примеч. ред.*

⁷ Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Записки ИАН. 7. 1865. С. 134–194, здесь с. 145–148 (Из «Слова Константина»).

⁸ Сказание о славянских «Письменах». См. критический разбор: Срезневский И. И. Древние письмена славянские // ЖМНП 59. 1848. Отд. 2. С. 29–49.

I. ПАМЯТНИКИ X–XI вв.

К сожалению, от IX века не сохранилось ни одного богослужебного памятника. Первые богослужебные памятники на славянском языке, дошедшие до нашего времени, относятся уже к концу X и к началу XI века. Первым по времени славянским памятником православного богослужения должно считать отрывки из глаголитского служебника, в котором имеются несколько молитв из Литургии. Памятник состоит из трех пергаментных листов, вывезенных в 1853 году из Синая епископом Порфирием и Николаем Крыловым, диаконом петербургской Михайло-Архангельской церкви. В настоящее время мы имеем два издания этого древнего памятника, сделанные Срезневским⁹ и самим епископом Порфирием¹⁰, который относит эти листки ко второй половине X века.

1. Входное

По словам Срезневского, один из этих листков должен быть в книге первым. Он начинается с молитвы, произносимой при входе в храм. Два других относятся к концу или к середине книги: на одном из них помещены некоторые из молитв при совершении даров, на другом — заключительная молитва¹¹. Нельзя не пожалеть, что от целой книги, которая могла бы объяснить древнеболгарское богослужение, уцелела такая небольшая частичка. Но за отсутствием других памятников южнославянской Литургии X века и эти отрывки несколько освещают темную эпоху в истории древнего славянского богослужения. Первый отрывок заключает входное пред Литургией: «Егда хотяще в церковь внити...», священник читает молитву: «Господи, вниду в храм твой, поклонюся в церкви святой твоей...», после чего произносится 107 псалом: «Готово сердце мое, Боже...» и молитва целующих Крест: «Господи Иисусе Христе, Спасе наш, иже ны крестным мучением...»

⁹ Срезневский 1863.

¹⁰ Порфирий (Успенский), еп. 1881. С. 119–120.

¹¹ Срезневский 1863. С. 21.

На этой молитве обрывается входное. Первой молитвы в целом виде нет ни в одном известном служебнике (Срезневский). Нет также ни в одной из известных молитв пред совершением проскомидии такого упоминания об апостоле Петре, какое есть в глаголитской молитве: «Веде Господи Врѣховного апостола Твоего Петра прослезившаяся горьде на предании Твоем. И мы покаяни(е) и тем прият ключа Храма Твоего и предаст емоу славоу единого Божества в три Лица». Эта особенность весьма характерна. Известный издатель памятника епископ Порфирий считает факт упоминания в православной глаголитской Литургии об апостоле Петре весьма важным для решения вопроса, какой богослужебный чин преподан был просветителями славян в Моравии — латино-римский или православно-греческий. По мнению Порфирия, Константин Философ пошел в данном случае средним путем, то есть ввел в Моравии церковный чин богослужения греко-православный, но с внесением в него некоторых дополнений во славу первоверховного апостола Петра, якобы основателя Римской Церкви¹².

Можно предполагать, что упоминание здесь об апостоле Петре внесено в молитву во время деятельности Константина в Моравии с целью хотя сколько-нибудь удовлетворить папу, который считался начальником этой области. Константину и Мефодию необходимо было для успеха своей миссии поддерживать добрые отношения с Римом, и если верить «Моравской легенде», они переводили даже некоторые книги с латинского языка, делая неизбежную уступку Риму. С прекращением латинского влияния в Болгарии началось греческое влияние, и греки постарались постепенно удалить из богослужебных книг, принесенных из Моравии, все то, что носило на себе влияние латинства. Молитва, в которой говорилось о первоверховном апостоле Петре, что он один «прият ключи Царствия Твоего и предаст (Бог) ему славу», — эта молитва во время спора о главенстве папы показалась подозрительной грекам и была изъята из позднейших служебников. В древних греческих служебниках также этого входного нет.

¹² Порфирий (Успенский), *еп.* 1881. С. 120–122.

2. Пресуществление Святых Даров

Второй отрывок глаголитского служебника излагает самый важный момент в Литургии — момент пресуществления Святых Даров.

Молитва пред пресуществлением и после него читается совершенно так же, как и у нас на Литургии Иоанна Златоуста. Из молитв, помещенных в третьем отрывке глаголитского служебника, первая «молитва совлагащеся» (ризы, то есть по окончании Литургии) встречается в нескольких русских служебниках XIV века. В древних греческих служебниках этой молитвы нет.

Другая молитва, названная молитвой святого Василия Великого «Предложеною хлеба», также встречается в наших древних служебниках, и в некоторых из них именно в Литургии Василия Великого¹³.

На основании приведенных отрывков из текста глаголитского памятника естественно заключить, что у глаголитов в X веке была в употреблении служба Иоанна Златоуста и Василия Великого.

3. О Требнике, изданном Гейтлером

Вместе с введением славянского богослужения у болгар и других южных славян у них должны были распространяться и списки необходимых богослужебных книг, к числу которых, кроме книг Священного Писания, должен относиться и Требник — необходимая принадлежность каждой церкви. Перевод Требника как самой нужной книги должен был предшествовать самому введению славянского богослужения. Но до последнего времени наука за неимением положительных данных не шла дальше этого заключения. И только в самое недавнее время (в 1880 г.) благодаря ученой экскурсии на Синай ученого слависта Гейтлера явилась возможность перейти из области гадательных соображений к положительному решению вопроса о составе первоначального славянского Требника. Этот древнейший славянский Требник был издан Гейтлером по рукописи, находящейся в Синайской библиотеке.

¹³ По указаниям преосвящ. Саввы и архимандрита Амфилохия, эта молитва находится в служебниках 1400, 1406 годов и в XVI веке. См.: Срезневский 1863. С. 36.

Рукопись испещрена красками: желтой, зеленой, красной, голубой и черной. Надписи над молитвами зеленые и желтые, что всей рукописи придает веселый и пестрый вид. Это обилие украшений в связи с сохранившимися следами употребления носовых звуков (юсов) обличает болгарское происхождение этой рукописи.

Требник, изданный Гейтлером, к сожалению, сохранился далеко не вполне. Как видно по сделанной на нем пометке, он начинается с двадцатой тетради, а предшествующие девятнадцать утрачены. Кроме того, нескольких листов в середине и в конце рукописи нет. По аналогии с древнейшими греческими рукописями этого рода можно с уверенностью предполагать, что в потерянных тетрадях были записаны Литургия, молитвы утренние и вечерние с присоединением молитв трехантифонного чина, далее чин крещения и брака, обряд крещения, совершаемый патриархом над оглашенными в Великую Субботу, и, может быть, молитвы хиротонии.

4. Чин освящения воды на Богоявление

В Требнике сохранялся чин освящения воды в день Богоявления, и то не в целом виде. Требник начинается тайной молитвой, которая должна читаться после великой ектении над освящаемой водой. Только молитва глаголитского Требника совершенно отлична от молитвы, читаемой в наше время. В некоторых частях своих она сходна с помещенной в Евхологионе Гоара и носящей имя Софрония, патриарха Иерусалимского¹⁴. Со слов «дньесь сльнце не заходящее» перевод сходен с греческим оригиналом с небольшими отступлениями. Со слов «велий еси Господи и чудна дела твоя...» молитва сходна и с нашей. Сходство это почти буквальное. Дойдя до выражения «да вси почерпающие...», священник прерывает свою тайную молитву и начинает чтение паремий. У нас и у греков чтение паремий бывает только в начале описываемой службы, молитва же читается до конца, без перерыва, и притом с «велий еси Господи...» — вслух, а не тайно.

¹⁴ Goar 1647. P. 457.

Далее порядок службы не представляет особенностей до обряда погружения Креста в воду. Тропарь Богоявления не поется, а вместо него при погружении Креста в воду священник говорит: «Во славу Святыя Троицы: Отца и Сына и Святого Духа». Эта особенность, впрочем, не чужда была и греческой практике.

5. Исповедь

Чин исповеди (л. 66—79) в славяно-глаголитском Требнике имеет много отличий от теперешнего. Исповеди предшествует поучение, или увещание, которое дается духовником кающемуся. Оно начинается словами: «Чадо, ныне обновится хощеши честным покаянием...» Эта нравоучительная речь заключает не только приготовительные к исповеди наставления, но и самое изложение грехов. Поучение переходит в форму беседы духовника с кающимся. Последний изъявляет полную готовность исповедаться перед Богом, не утаивая из-за стыда своих грехов.

После поучения кающийся входит в церковь и «падает ниц на землю». Духовник читает над ним молитву: «Господи Боже, всемогый, Тебе буду аз исповеден...», в которой от лица кающегося просит у Бога помощи, силы и мудрости для служения Тому, Который один ведает, «каковы моя суть беды», и один может избавить от всякого зла. Этой молитвой начинается чин исповеди во многих рукописных Требниках. Далее, после прочтения псалма *Внегда воззвах, услыша мя*¹⁵, иерей пред алтарем тайно читает молитву: «Господи Боже спасения моего, милуяй щедротами...», в которой просит кающегося милости у Бога.

После псалма «Доколе Господи забудеши мя до конца»¹⁶ иерей читает молитву: «Владыко Господи Боже, призывай праведники...» Этой молитвы, а равно и предыдущей, нет в современном чине, а есть они в некоторых старопечатных и рукописных требниках. Затем следует псалом «К тебе, Господи, воздвигох»¹⁷ и молитва «Боже, Спасе наш...», которая сходна с молитвой, помещенной в нашем Требнике и

¹⁵ * Пс. 119, 1.

¹⁶ * Пс. 12, 1.

¹⁷ * Пс. 24, 1.

начинающейся словами: «Боже, Спасителю наш, иже пророком Твоим Нафаном...» Далее после псалма «Господи, не яростью Твоею...» начинается самое исповедание грехов. В Требнике сказано: «И потом воздвигнет его и исповедается ему». Итак, во все время чтения молитв и псалмов кающийся лежал повергнутым ниц и только теперь меняет свое положение. После исповеди иерей дает ему «заповедь», говорится в Требнике. Что это за заповедь, не объяснено. Вероятно, нечто вроде того наставления, которое мы находим в нашем Требнике после исповеди. «И глаголет молитву сию...» Следует разрешительная молитва: «Господи Боже наш, давый Петрови слезами покаяние, блудници отпущение грехом, оправдавый мытаря, разумевша свое согрешение, приими исповедание раба Твоего сего, и еже аще согреши волею или неволею, прегрешением, словом ли, делом ли, помышлением, яко благ презри, Ты бо един имаши власть отпущати грехи, яко Бог милостив щедротами Ты еси, и Тебе славу воссылаем Отцу и Сыну и Святому Духу».

Как видно из приведенного текста, молитва эта и по содержанию, и по форме разрешения отличная от современной. Как и все древние разрешительные молитвы, она излагается в форме просительной. За этой молитвой следует псалом «Боже, во имя Твое спаси мя»¹⁸ и еще молитва «Приими, Господи, умаленное сие исповедание грешного раба Твоего...» покаянного содержания. Последняя молитва, которою оканчивается чин исповеди, принадлежит к числу молитв разрешительных и произносилась над исповедником пред принятием святого Причащения.

Таким образом, из предшествующего содержания чина видно, что исповедь у болгар в XI веке состояла: 1) из поучения или беседы до входа в церковь, 2) из четырех молитв и четырех псалмов, читаемых попеременно и предшествующих устному исповеданию грехов, 3) из устного исповедания грехов и заповеди духовника, 4) из одного псалма и двух молитв заключительных, из которых одна заменяла разрешение, читаемое в наше время.

¹⁸ * Пс. 53, 1.

6. Монашеский постриг

Чин пострижения в монашество, согласно с позднейшими Требниками, разделяется на два последования: малого образа и великого, или пострижения в схиму. Из этого следует, что уже в самых древних служебных славянских книгах было проведено и фактически установлено это разделение согласно практике монастырской того времени. В глаголитском Евхологионе не показано обрядов малого пострижения, а записаны только четыре молитвы из него. В противоположность малому чин великого пострижения излагается подробно. Чин пострижения в схиму заключает в себе особенности, которых мы не находим ни в новейшем Требнике, ни в древних греческих и славянских богослужебных книгах. При пострижении в схиму обязательно присутствовали игумен обители и поручник постригаемого. Пострижение совершал иерей. Пострижение начинается допросом игумена и поручника, могут ли они взять на себя, на свое попечение постригаемого и на «всеко благодеение наставити и». После утвердительного ответа с их стороны иерей делает наставление сначала игумену, потом поручнику. В наставлении игумену он говорит: «Слово возданью сотворити имаши в день Страшного Суда за душу его. Тако прилежно трудися о нем и образ буди ему во всеко доброеение, в смирение, в кротость, в молитву, в пост, в бдение... и речеше в день он: се аз и дети, яже ми еси дал Боже». Приблизительно такое же наставление дается и поручнику, на которого возлагается забота и о телесных потребностях постригаемого. По окончании наставления начинается самая служба, поются антифоны.

Число антифонных стихир в болгаро-глаголитском Требнике превышает число стихир в нашем Требнике. Следующие за пением антифонов вопросы к постригаемому совершенно те же, что и в нашем Требнике, но ответы даются несколько в другой форме. На вопрос: «Своею ли волею припадаеши к Богу?» постригаемый отвечает: «Своею волею, Христа ради». Вообще, ответ состоит из утверждения того, о чем спрашивают, и из добавочных слов «Христа ради» вместо современных ответов: «Ей, Богу содействующему, честный отче». Оглашение после вопросов имеет в начале лишнюю прибавку (л. 87 об.— 89 об.) сравнительно с греческими Требниками и современным славянским, но

со слов «разумей же (веждь) от настоящего дне» сходно с оглашением греческого и нашего Требника.

В остальном чин пострижения сходен с современным и не заключает в себе каких-либо особенностей.

Из особенностей представленного чинопоследования прежде всего обращает на себя внимание поручительство. Постригающийся обязан иметь за себя поручника (л. 83 об.), поручник заступает постриженному место отца, он становится, так сказать, восприемником при новом духовном рождении схимника. Поручник обязан следить за правове-рием постриженного, обязан «на каждо день» учить его и при случае помогать ему добрыми советами. Но этим не ограничиваются обязанности поручника. Подавая духовные наставления, он вместе с тем должен заботиться и о материальном обеспечении схимника «и телесная требование обило подавай» (л. 83 об.).

Итак, с обязанностью поручника соединялись еще обязанности кормить его. Очень может быть, что каждый поступающий в монастырь содержался своими трудами, а так как постригаемый в великую схиму избирал келейную одиночную жизнь, при которой нельзя было рассчитывать на заработки, то он должен был заручиться чьею-либо помощью и тем обеспечить себе тихую жизнь схимника. Это и достигалось избранием поручника.

II. ПАМЯТНИКИ XII И XIII вв.

XI век был тяжелым временем для Болгарии. В 1019 году вся страна болгарская покорена была греческим императором Василием, получившим за победу над болгарам название «Болгаробойцы».

Под греческим игом болгары находились с лишком 150 лет. С подчинением Болгарии Византийской империи греческий элемент в Болгарской Церкви значительно усилился. Архиепископы-греки поставляли и епископов из греков, а эти последние вводили греков и в низшую иерархию. Казалось, можно было ожидать, что труды святого Климента по устройству славянского богослужения погибнут в Болгарии безвозвратно. Но, к счастью, этого не случилось. Хотя греческое

влияние и усилилось, но оно не в силах было вытеснить славянский богослужебный язык, окрепший в течение полтора года лет. Славянское богослужение продолжалось и в это время¹⁹. По найденным в Охриде рукописям XII и XIII вв. видно, что часть их написана на славянском языке²⁰. Есть основание предполагать, что некоторые из архиепископов и греческого духовенства учились славянскому языку и знали его²¹. Из этих фактов можно заключить, что Охрида, столица Болгарии в период подчинения ее грекам, не всегда была центром подавления славянства, как полагает Голубинский²², что среди греческого духовенства были хотя бы в виде исключения лица, чуждые византийской исключительности, не подавлявшие славянского элемента.

Национальная рознь между болгарам и грекам не мешала им объединяться на почве чествования православных святых Болгарской Церкви. Охридские архиепископы и греческое духовенство в Болгарии отлично понимали, что основой автокефальности и независимости Болгарской Церкви они обязаны славным преданиям славянской Церкви в Болгарии IX—X вв. и что поэтому следует не подавлять, а оживлять и возвышать эти предания о славной эпохе и ее великих деятелях. Вследствие тяжелых политических обстоятельств оживилась в это время память о прежних славных временах и славных деятелях. Болгария вспоминала и святого Климента, вспоминала и его учителей Кирилла и Мефодия, благодаря которым балканские славяне услышали церковную службу на родном языке. Нашлись книжные люди, которые, невольно подчиняясь настроению народа, составили церковные службы в честь первоучителей славянских — св. Кирилла и Мефодия.

¹⁹ См.: *Феофилакт Болгарский*. Сказание о Тивериадопольских мучениках (*Theophyl. Bulg. Martyrium SS. quindecim Martyrum*, 42. PG 126, 208).

²⁰ См.: *Григорович В. И.* Изыскания о славянских апостолах, произведенные в странах европейской Турции // *ЖМНП* 53. 1847. Отд. 2. С. 9.

²¹ См.: *Дринов М.* Исторически преглед на Българската църква от самотой начало и до днес. Виена, 1869. С. 65.

²² *Голубинский* 1871. С. 40.

1. Службы св. Кириллу и Мефодию

Древние службы св. Кириллу и Мефодию сохранились в нескольких списках. Два из них открыты были ученым славистом Григоровичем на Афоне, в Зографском монастыре, и в 1862 году были им изданы²³.

Еще раньше другим ученым — Горским в Москве, в Синодальной библиотеке были открыты также два древних канона святым первоучителям и в 1856 году напечатаны в прибавлениях к изданию «Творений святых отцов». Впоследствии в Московской типографской библиотеке найдены Арсеньевым три, а Срезневским — четыре списка службы св. Кириллу на 14 февраля, из которых три относятся к XI—XII векам.

Содержание службы святым Кириллу и Мефодию носит на себе влияние ранее составленных жизнеописаний этих святых конца XI века²⁴.

На более позднее сравнительно с житиями происхождение служб, по словам Воронова, указывает некоторое, так сказать, усиление легендарного элемента в канонах. Так, указывая события жизни и деятельности Кирилла и Мефодия как учителей «всему миру», протекших с проповедью все страны от запада до востока и от севера до юга, автор к странам, просвещенным проповедью первоучителей, присоединяет уже Мизию, то есть Болгарию. Успехи проповеди среди хазар в службах тоже преувеличены сравнительно с показаниями жития Константина и т. п.²⁵ Вообще нужно полагать, что службы составлены не ранее конца XI века.

Относительно места составления служб мы находим в них указание, что они не западного, а восточного происхождения. Моравию и Паннонию, бывших главным поприщем деятельности первоучителей, автор прямо называет по отношению к себе западными странами: «Посла ты учить темных книгами закона языки западные»²⁶. «Яко солнца свет-

²³ Григорович В. И. Древнеславянский памятник, дополняющий житие славянских апостолов 1882 г. (Кирилло-Мефодиевский сборник 1865. С. 235—270).

²⁴ Воронов 1877. С. 114.

²⁵ Там же. С. 120—121.

²⁶ Канон отца нашего Кирилла, учителя словенскому языку. Песнь 1, тропарь 2 (Кирилло-Мефодиевский сборник 1865. С. 286).

лость востока ты Христос воссияв к западу, отче, посла мудра учителя Мефодия всем»²⁷.

Отсюда видно, что службы эти южнославянского происхождения и составлены в той же Болгарии, тем более что Хазария, где также проповедовали святые братья, названа по отношению к местопребыванию автора страной северной²⁸.

Образцом при составлении служб могли служить и греческие каноны²⁹, но авторы служб решительно причисляют себя к славянам и правильно употребляют славянскую речь³⁰.

Греческое влияние сказывается и в витиеватости языка, так свойственной греческим писателям. По силе мысли, меткости сравнения, образности языка службы Кириллу и Мефодию заметно отличаются от простых образцов национальной поэзии болгар в период ее раннего развития. Например: «Возлюбил измлада мудрость, истинную мудрость сестру себе приял еси»³¹; «Словесными пищальми блаженне призывах овцы в ограды святые, мудрыми притчами, красотою и сластью словес твоих»³². Но лирический элемент в службах значительно поглощается повествовательным. Содержание служб не представляет ничего оригинального по сравнению с житиями святых, на основе которых они составлены. Тот же рассказ о жизни первоучителей славян передается в сокращенном виде и в службах. Главной задачей песнописца было передать тот же рассказ в замысловатой, фигуральной форме, указать в художественных образах заслуги первоучителей славянских.

²⁷ В общей службе Кириллу и Мефодию удалось найти аналогичное место о св. Мефодии: «Доиде до запад, святе. Лесть идольскую всю разоряя. Вся ереси блаженне потребяя» (Песнь 4, тропарь 4. Там же. С. 292). — *Примеч. ред.*

²⁸ «В градах северских, хозарех приложься». Канон отца нашего Кирилла, учителя словенскому языку. Песнь 8, тропарь 2 (Там же. С. 290).

²⁹ Там же. С. 242.

³⁰ Порфирий (Успенский), еп. 1881. С. 188.

³¹ Канон отца нашего Кирилла, учителя словенскому языку. Песнь 6, тропарь 3 (Кирилло-Мефодиевский сборник 1865. С. 289).

³² Канон отца нашего Кирилла, учителя словенскому языку. Песнь 7, тропарь 1 (Там же. С. 289).

2. Уставные записи

III. ПАМЯТНИКИ XIV–XV вв.

От XII века кроме служб святым до нас дошли две уставных записи при книге апостольских чтений, вывезенной В. Григоровичем из Слепенского монастыря св. Иоанна Предтечи. Большая часть книги осталась в Белграде. Всего сохранилось 140 листов без начала и конца и нескольких листов в середине. Срезневский в 1868 году издал часть этого памятника в своей книге «Древнеславянские памятники юсового письма».

Уставные записи находятся в тексте рукописи. Одна содержит устав вечернего и утреннего богослужения в Неделю всех святых, другая включает ту же службу в пост святых апостолов. Означенные уставные записи составляют в настоящее время единственный изданный в печати памятник вечернего и утреннего богослужения у болгар XII века. Служба в Неделю всех святых не представляет никаких особенностей по сравнению с порядком этой службы в наше время. Устав же службы в пост святых апостолов разнится от нашего лишь в совершении часов. Различие заключается в том, что на 1, 3 и 6 часае положено чтение кафизм согласно со Студийским уставом. По Иерусалимскому же уставу кафизмы на часах в этот пост не читаются.

В X веке в Болгарии возникла богомильская ересь. Различные ненормальные условия церковной жизни в Болгарии, в течение ста пятидесяти лет находившейся под греческим игом, способствовали развитию ереси. Недовольный иноземными порядками народ охотно склонялся к богомильству, которое стояло за старину, за старые обычаи и суеверия. В 1211 году на церковном Соборе в Тернове богомильская ересь была осуждена. На этом Соборе составлен был акт проклятия богомильства и вставлен в переведенный тогда же с греческого чин анафематствования: «Да прочитается в первую неделю святых пост, яко же святии отцы изначала Соборней и Апостольской Церкви предаша»³³. Таким образом, чин анафематствования в первый раз введен был в Болгарии в 1211 году.

³³ Попруженко М. Г. Синодик царя Бориса. Одесса, 1899. С. 62 (2-я пагин.) (лист 26 текста Синодика).

При переписке богослужебных книг за четыре века существования Болгарской Церкви в рукописи вкралось немало ошибок. Старые ошибки неумелыми переписчиками повторялись, к ним добавлялись новые. Ошибки вели к искажению богослужебных книг. Уже в XIII веке были жалобы на порчу книг. Необходимо было принять энергичные меры к исправлению книг. Эту задачу взял на себя последний патриарх болгарский Евфимий. Начавши исправление богослужебных книг еще до получения кафедры, Евфимий, сделавшись патриархом, стал вводить исправленные списки первоначально в столице Болгарии, Тернове, а затем и в других городах. Вместе с тем он принял меры к тому, чтобы на будущее время предупредить порчу книг: так, во-первых, он запретил братья за переписку людям неумелым, некнижным, а во-вторых, установил строгий контроль и над теми лицами, которым разрешена была переписка.

Из исправленных патриархом Евфимием списков до нас дошел список Литургии Иоанна Златоуста. Главной заботой патриарха Евфимия было, конечно, установить однообразное совершение Литургии во всех вверенных ему церквах. Несмотря на продолжительный период своего существования восточные Литургии в XII и XIV вв. далеко не достигли однообразия и законченности. Только к концу XIV века в Константинопольской Церкви сформировался и стал входить в общее употребление устав патриарха Филофея, которому, вероятно, принадлежала окончательная редакция и санкция этого устава. В Литургии Евфимия мы имеем подлинный текст устава Филофея, так как чин Литургии Филофея не сохранилось, а патриарх Евфимий знал устав Филофея и мог точно передать его в болгарском переводе.

Литургия патриарха Евфимия издана в Гласнике сербского ученого Дружества³⁴ по списку, сделанному Севастьяновым в рукописи Зо-

³⁴ * Проскомидија из Зографског манастира у Св. гори. Пријевод бугарско-словенски Патријарха Јевтимија / Публ. С. Сретенович // ГСД 8 (по старој нумерацији 25). 1869. С. 288–304.

графского монастыря: «Божественная служба святых Литургия диаконская кир Евфимия, патриарха Тръновского».

Из сличения ее с греческим списком, помещенном у Гоара, можно видеть, что оригиналом для Евфимиевского списка послужил другой, близкий к Гоаровскому списку по изложению и одной с ним редакции.

Вслед за Литургией, вероятно, вскоре были исправлены и другие богослужебные книги. Но от трудов Евфимия по исправлению книг кроме Литургии ничего не осталось.

Деятельность Евфимия совпала с последними годами существования Болгарского царства. В 1389 году турецкий султан Мурад I после жестокой битвы на Косовом поле положил конец независимой Болгарии, которая тогда же вместе с Сербией вошла в состав его владений. Последний болгарский царь Шишман спустя семь лет после этого в 1396 году сложил голову на эшафоте. Патриарх Евфимий умер в ссылке в Македонии.

С концом Болгарского царства, со смертью Евфимия не потеряли все-таки свою цену труды последнего патриарха. Исправленные им богослужебные книги разносились по разным славянским землям и долго славились так называемые «добрые тръновские изводы».

IV. СЕРБИЯ XII—XIII вв.

Почти одновременно с Болгарией в конце IX века православно-славянское богослужение утвердилось и в Сербии. В конце IX века сербы уже слушали Литургию на своем родном языке³⁵. Введение славянского богослужения производилось через распространение славянских книг, переводимых с греческого языка, но о составе этих книг ничего неизвестно, потому что от IX—XI вв. не сохранилось ни одного богослужебного памятника на славянском языке. Известные в настоящее время памятники не восходят далее XII века.

³⁵ Ягич 1871. С. 49—50.

Самый древний памятник славяно-сербской Литургии находится в настоящее время в Ватиканской библиотеке. Там есть ветхая рукопись, заключающая в себе список Златоустовской Литургии сербского происхождения³⁶.

Нужно удивляться тому, что от XI и XIII вв., как и от прежнего времени, осталось так мало памятников славяно-сербской письменности. Из богослужебных рукописей кроме Ватиканского списка открыто пять-шесть, да и те доступны только немногим лицам, а большинству известны только по имени³⁷. История сохранила лишь память о некоторых лицах, принимавших деятельное участие в судьбе Сербской Церкви и, в частности, сербского богослужения.

Главным деятелем на пользу местной Церкви был первый архиепископ Сербский святой Савва. Он был младший сын Жупана Немани. Увлечшись аскетическим настроением, Савва на 17 году (1186) постригся в монахи и ушел на Афон. В бытность на Афоне он последовательно управлял сначала Хиландарским, а потом Студенецким монастырем. Монашеская жизнь не помешала Савве следить за судьбой своей родины и оказывать ей посильные услуги. Главным желанием Саввы было устроить самостоятельную сербскую Церковь и иерархию. В этих видах он ездил в Никею к греческому императору и просил его дать Сербии своего архиепископа. После переговоров императора с греческим патриархом Сербии был дан архиепископ, и первым архиепископом туда назначен был сам Савва³⁸. Около 13 лет Савва управлял своею паствой, а затем оставил кафедру и отправился вторично в путешествие по святым местам. На обратном пути его постигла тяжелая болезнь, и он, не доехав до родины, скончался в Тернове 14 января 1237 г.³⁹

Сделавшись архиепископом, Савва всецело отдался служению своей родине. Прежде всего он позаботился об устранении беспорядков

³⁶ Красносельцев Н. Ф. Сербский часослов (рукоп. Ватиканской библиотеки № 10, 45. Vat. slav. 10, XV—XVI в.).

³⁷ Ягич 1871. С. 217.

³⁸ Мацевский 1840. С. 197.

³⁹ Ягич 1871. С. 190.

в совершении брачных дел. Шафарик доставил историку Мацевскому выпись из рукописи XIV века, заключающей в себе житие святого Саввы, написанное монахом Домицианом в 1264 году. По словам Домициана, Савва лишь только возвратился из Константинополя в сане архиепископа на свою родину, тотчас принял все меры к замене гражданских браков, вошедших в широкое употребление в то время в Сербии, церковными. С этой целью он разослал по всей стране священников для освящения супружества и предостережения жителей о заключении на будущее время только церковных браков. Он повелел освятить брак даже тех лиц, которые незаконно прижили себе детей. Вот слова Домициана: «Повеле же посланным сице венчати род человечески. Собирати в церковь все старцы и средовечные и младие мужи и жены и всю детцу, елицы беху рождение от них без благословения законного. Скупивше их под крила родителю своею и тако венчеваху по единому каждому их яко да будут вси благословени во имя Господне»⁴⁰.

Савва заявил себя и литургическими трудами. Так, по просьбе святогорских монахов он составил в Хиландаре каноны и стихиры провозглашенному святым Симеону⁴¹.

Еще до вступления на епископскую кафедру он написал два типика: один для Хиландарского, другой для Студенецкого монастыря⁴². В главе 13-ой Хиландарского типика указывается, как нужно поставлять игумена в Хиландарском монастыре. Игумен избирался одной братией без особого разрешения высшей светской власти.

Совсем иначе изображается поставление в игумены по Студенецкому типуку. Избрание и поставление игумена в Студенецком монастыре должно происходить с ведома и при участии державного правителя Сербской земли, что объясняется тем, что названный монастырь считался первоклассным и находился под особенным покровительством сербского короля. Можно думать, что поставление игумена с такою торжественностью совершалось если не исключительно, то преимуще-

ственно в Студенецком монастыре. Что же касается других сербских монастырей, то там, вероятно, игумен ставился приблизительно так, как это указано в Хиландарском типике.

В уставе св. Саввы встречаются некоторые незначительные указания относительно служб церковных. В главе четвертой дается наставление, как должно делать поклоны (метания) во время пения 1-го часа и молить по окончании утренней службы: «Три поклона велики, досяжуше главою до земли, двенадцать скорее, елико рукою досязати земли и глаголати: Боже, очисти мя грешного и помилуй мя». При этом делается замечание, что поклоны должны класть враз, все вместе по знаку епископа, который стоит пред царскими дверьми, «чин указующе». После поклонов вся братия с поднятыми руками возглашает положенные молитвы: «Боже вечный, вся твари содетелю...» и др. По окончании молитв братия падает ниц и в таком положении выслушивает обращение игумена: «Помолитесь за ме о Господе, да избавлюся от страстей и от соблазн неприязненного». Братия отвечает: «Бог да ти спасет, честный отче. Помолися ты за ны, честный отче, да избавимся от страсти и от соблазн неприязненного». «Бог молитвами святых отец наших да спасет вас», — отвечает игумен, и потом все отправляются в кельи.

В шестой главе типиков сделаны некоторые общие замечания о совершении и самой утренней службы. Во время полунощницы зажигаются свечи. Утренняя начинается возгласом «Благословен Бог наш», который делает священник, изображая пред святым Престолом кадильницей крест.

О Литургии замечено только, что она должна совершаться всегда «по долгу в церкви» (гл. 5). О Господних и Богородичных праздниках сказано, что они должны праздноваться «превыше инех в пениях и в свещах». Особенно торжественно должен праздноваться праздник Введения: «да празднуется светло и много тварно» (гл. 2). Исповедоваться братия должна у игумена или у особого духовника, общего всем (гл. 6).

В типиках излагаются, наконец, наставления и о поминовении усопших.

В устав святого Саввы вошли уже некоторые особенности устава Иерусалимского, в XI веке распространившегося на ближнем и даль-

⁴⁰ Мацевский 1840. С. 197—198.

⁴¹ Там же. С. 184.

⁴² Ср.: ГСД 11. 1859; 12. 1860; 7 (по старой нумерации 24) 1868. Типик Хиландарской лавры опубликован в: ГСД 24. 1868. С. 166—230. — *Примеч. ред.*

нем Востоке⁴³. Святой Савва лично знаком был с Иерусалимским уставом, так как два раза сам путешествовал по святым местам. Устав Иерусалимский в XII—XIII вв. принят был на Афоне.

Иерусалимская литургическая практика, начавшая проникать в Сербию уже с начала XIII века, к половине XIV века совершенно утвердилась там уже не в Афонской редакции, а в том виде, в каком она была тогда принята в Константинопольской Церкви. Святой Савва своей организаторской деятельностью подготовил почву для более успешного введения Иерусалимского устава в полном его составе, но ему не пришлось дожить до введения и упрочения этого устава в Сербии. Оно совершилось при одном из его преемников, архиепископе Никодиме в XIV веке.

Иерусалимский устав введен был в Сербии в первой четверти XIV века. Архиепископ Никодим выписал из Константинополя греческий текст устава и перевел его в 1319 году на сербский язык⁴⁴.

С введением Иерусалимского устава явилась нужда в новых переводах богослужебных книг и пересмотре старых. Нужда в пересмотре старых богослужебных книг вызывалась, с одной стороны, желанием согласовать их с новым уставом, а с другой — и порчею церковных книг при переписке. Искажение книг в Сербии к концу XIV столетия достигло особенно больших размеров. Благодаря приходившим в Сербию известиям из Болгарии, где уже совершилось исправление испорченного текста и распространялись книги в исправленном переводе, и в Сербии обращено было внимание на исправление богослужебных книг на основе сличения их с греческим текстом⁴⁵. Исправление могло совершаться и по болгарским исправленным рукописям. Так в 1434 году была переведена с болгарского на сербский язык Постная Триодь⁴⁶.

⁴³ Мансветов И. Д. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882. С. 3.

⁴⁴ А. Л. [Архим. Леонид (Кавелин)]. О славянских переводах церковного богослужебного устава // ЧОИДР. Кн. 2, 1. 1867. С. 6.

⁴⁵ Порфирий (Успенский), еп. 1881. С. 21.

⁴⁶ Хлудовская библиотека № 139 (Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. Москва, 1872. С. 294—296). — В настоящее время хранится в: ГИМ. Хлуд. № 139. 1434. Триодь постная. — *Примеч. ред.*

В XIV и XV веках появилось много богослужебных рукописей. Хотя большая часть этих памятников недоступна для исследования, но по немногим выдержкам из них в ученых сочинениях и небольшим описаниям все-таки можно отметить особенности Литургии и некоторых других служб церковных в названный период времени.

Литургия Иоанна Златоуста по памятникам XIV и XV вв. представляет некоторые особенности. Проскомидия, например, совершалась на пяти и на двух просфорах. Из первой просфоры вынимался Агнец, из второй — часть в честь Богородицы, из третьей — в честь Небесных Сил, Предтечи и всех святых, из четвертой — за епископов вообще, за местного епископа, пресвитеров, царей, игумена, монастырскую братию и за всех живых, из пятой — за создателя храма, умершего архиерея и всех вообще умерших и т. д. Когда проскомидия совершалась на двух просфорах, из первой приготавлился Агнец, а из второй вынимались части в честь Богородицы, Небесных Сил, Предтечи, апостолов, вселенских учителей и святителей, мучеников и дневного святого⁴⁷.

По окончании проскомидии начинается Литургия. Чин Литургии совершался почти одинаково с нашим современным за исключением некоторых частных случаев. Так, после возгласа священника: «Яко свят еси Боже наш...» непосредственно начинается Трисвятое, а возглас: «Господи, спаси благочестивыя...» опускался согласно с некоторыми древнегреческими Евхологиями⁴⁸. Трисвятое, вероятно, возглашалось иногда по-гречески. Перед чтением и после чтения Апостола произносились те же возгласения, что и у нас. Перед Евангелием обращение диакона за благословением к священнику и слова священника в ответ на это также вполне согласны с практикой Греческой Церкви⁴⁹. В некоторых памятниках после Великого входа, при вступлении в алтарь, священнику положено читать: «Возмится врата вечные, и внидет Царь Славы», а диакону: «Благословен Грядый во имя Господне, Бог Господь и явися нам...»⁵⁰. При покровении сосудов — только

⁴⁷ Дмитриевский 1884. С. 421.

⁴⁹ Там же. Р. 102.

⁴⁸ Coar 1647. Р. 67.

⁵⁰ Там же. Р. 102.

«Благообразный Иосиф...»⁵¹. В других памятниках, после покровения сосудов большим воздухом, священник и диакон становятся пред престолом и читают: «Помяни нас, Господи, егда приидеши...», «Помяни нас, Владыка...», «Помяни нас, Святой...» Священник опускает фелонь, складывает руки на груди и, обращаясь к диакону, говорит: «Помолися о мне, владыко». Диакон в ответ говорит: «Дух Святой найдет на тя, и сила Вышнего...» Затем диакон обращается к священнику: «Помяни мя, владыко святой». Священник отвечает: «Помянет тя Господь Бог во Царствии Его»⁵².

После возгласа диакона: «Возлюбим друг друга...» в противоположность греческой практике⁵³ произносились только слова: «Отца и Сына и Святаго Духа».

Когда священник скажет: «Со страхом Божиим и верою приступите», диакон говорит народу: «Благословен Грядый во имя Господне, Бог Господь и явися нам». На возглас священника: «Спаси, Боже, люди Твоя» народ отвечает: «Исполла эти, деспота»⁵⁴.

Дальнейшее последование Литургии совершенно сходно с нашим. Чинопоследование Таинств (Крещения, Брака и других) имеет некоторые особенности как в группировке молитв, так и в количестве их⁵⁵. Особенности в чинопоследовании мало, да и те касаются несущественных частных особенностей обряда и притом объясняются из греческой практики. Как на главную особенность брака можно указать кроме разнообразия в количестве молитв еще то, что после *Отче наш* новобрачные причащаются Святых Таин. При венчании «Исаие, ликуй» не поется, новобрачные обводятся вокруг креста, а не вокруг аналоя⁵⁶.

Наплыву молитв в сербские богослужебные памятники помимо Константинополя немало способствовал Афон благодаря близким сношениям, в каких находился с ним сербский Хиландарский монастырь.

Сравнительно небольшое количество рассмотренных в настоящей статье болгарских и сербских богослужебных памятников заставляет

нас воздержаться от разных обобщений относительно судьбы южнославянского богослужения. Эти обобщения возможны будут только после целого ряда серьезных исследований пока еще нетронутого материала, который разбросан по архивам южнославянских монастырей в виде разных богословских сборников, богослужебных рукописей и пастырских грамот.

Но хотя рассмотренные памятники не дают ответа на многие существенные вопросы о славянском богослужении, однако и они имеют важное значение в решении, по крайней мере, главного вопроса о зависимости южнославянских богослужебных памятников от подобных же греческих. Мы видели, что вопрос о зависимости первых от последних разрешается в положительном смысле.

Немало встречается особенностей в южнославянских памятниках, которые не находят пока для себя объяснения, но еще более другого рода особенностей, о которых положительно можно сказать, что они заимствованы из греческих рукописей.

Что касается латинского влияния, которое могло бы иметь место хотя <бы> в болгарской богослужебной практике вследствие двукратного подчинения Болгарской Церкви Риму, то это влияние не заявило себя в богослужебных памятниках, и только отрывки из глаголитского служебника дают повод догадкам о существовании этого влияния в X веке. В памятниках последующего времени латинство не оставило о себе памяти. Итак, памятники южнославянского богослужения находились в зависимости почти только от подобных же греческих и в большинстве случаев сходны с нашими.

Впрочем, в богослужебной практике южных славян оказалась и некоторая самостоятельность, выразившаяся в составлении новых молитв и в составлении служб местным святым.

Мы говорим — *некоторая* самостоятельность, потому что как службы, так и молитвы большей частью составлялись по образцам греческих служб и молитв: содержание было свое, но план и даже иногда самый склад речи были византийские.

⁵¹ Дмитриевский 1884. С. 423.

⁵³ Coar 1647. P. 73, 97.

⁵⁵ Дмитриевский 1884. С. 254—256.

⁵² Там же.

⁵⁴ Vatic. 10. Л. 54 об.

⁵⁶ Там же. С. 429—434.